

Майкл Вольф, журналист, США

После двадцати пяти лет писательской деятельности в Америке, я хотел найти нечто, способное побороть мой скептицизм и дать возможность видеть по-новому. Воспитание человека во многом определяет его взгляды на жизнь. Я рос в семье с плюралистическими убеждениями, и, естественно, уделял большое внимание теме расизма и свободы. Мне было чуть больше двадцати, когда я уехал в Африку на три года.

Я общался с темнокожими разных национальностей: арабами, берберами, и даже европейцами-мусульманами. Эти люди, в общем и целом, не разделяли западную одержимость расой или общественным положением. Встречаясь с человеком, едва кто обращал внимание на цвет кожи. Меня тоже сначала радостно принимали, и лишь потом оценивали по заслугам. И напротив, американцы и европейцы (даже свободные от расовых предрассудков) автоматически классифицируют людей по национальности. Мусульмане судят о других по их вере и поступкам. Для меня это было ново и необыкновенно. Именно в этом Малькольм Икс увидел спасение своего народа. «Америке нужно понять ислам – писал он – потому что это единственная религия, способная искоренить из общества проблему расизма».

Еще я искал путь к спасению от материалистической культуры. Мне хотелось найти доступ к духовному миру, но известные мне с детства традиционные тропы, вели не туда. Отец был иудеем, мать – христианкой. Поэтому с малых лет я поддерживал оба верования. И иудаизм, и христианство, несомненно, были глубокими религиями. Только та, что превозносила один народ, казалась мне необоснованной, другая же, построенная на таинстве – отталкивала. Сто лет назад, имя моей прапрабабушки по материнской линии красовалось на витражном стекле церкви на главной улице в Гамильтоне (штат Огайо). К двадцати годам, этот факт для меня ничего не значил.

Так прошла моя молодость. Чем больше я думаю об этом, тем чаще вспоминаю свою жизнь в мусульманской Африке. После двух путешествий в Марокко в 1981 и 1985, у меня возникло чувство, будто Африка – это совсем другой континент, который не имеет ничего общего

со здешней размеренной жизнью. То есть, меня привлекала не Африка сама по себе, не какое-то общество. Я искал что-то вроде нового шаблона, рамки чтобы уместить в нее свою жизнь; нуждался в духовном принципе, который можно было бы применить в моей нынешней жизни. Мне не хотелось продавать свою культуру. Я желал доступа к новым значениям, новому смыслу.

...Как-то наш самолет летел над Атлантикой. Закончив с обедом, я отправился вымыть руки. В мое отсутствие несколько иудеев-хасидов выстроились за дверью для совершения своей молитвы. К моменту моего возвращения на место, они были слишком погружены в молитву и не заметили меня. О том, чтобы пройти между рядами молящихся не было и речи.

Я мог только стоять за дверью, высунув голову и глядя им в спину. Они держали в руках свои молитвенники, оказывались в разных причудливых формах, что-то бормотали себе. Раз за разом их раскачивания становились все быстрее, а я наблюдал за всем этим действием из-за двери, пока они не закончили, и лишь тогда я смог снова опуститься в свое кресло.

Поздней ночью мы приземлились в Брюсселе. Снова поднявшись на борт, чтобы лететь в Марокко, я увидел на подносе забытую газету на еврейском языке. Когда самолет взлетел, тех иудеев с нами уже не было.

Я не стремлюсь создать у читателя впечатление, будто тот период моей жизни протекал по какому-то важному замыслу. Сперва (в самом начале 1980-х годов), меня влекло сюда обычное любопытство и жажда путешествий. Когда водились деньги, я стремился побывать в Марокко. Если не мог путешествовать, читал книги. Это увлечение познакомило меня с группой писателей, тяготеющих к экзотике, авторов, способных написать строки, подобные этим. Из книги Фрейи Старк:

«Вечное очарование Аравии в том, что здесь путешественник чувствует себя просто человеком. Откровенность людей убийственно сентиментальная или педантичная, как признак не столь запутанной нравственности; и удовольствие нравиться таким, какой ты есть, наверное, можно добавить к пяти причинам для путешествия, названными мне часовщиком Саидом Абдуллой: оставить позади беды, заработать на жизнь, получить знание, тренировать благой нрав и встретить благородных людей».

У меня не было списка конкретных требований, но я точно знал, чего искал. Я хотел найти такую религию, которая могла бы ответить на многие мои вопросы, и при этом, естественно, она должна быть обоснованной со стороны современных научных достижений. По моему мнению, она не могла быть строго рациональной, но и быть потоком различных тайнств эта религия также не должна. В ней не должно существовать каких-то посредников между природой и божественным.

Никакого насилия над человеческой плотью. Секс должен восприниматься как нечто естественное, а не как проклятие для человечества. И, наконец, мне нужен был ритуальный компонент, ежедневная практика, чтобы обострить чувства и приучить разум к дисциплине. Но больше всего мне хотелось именно ясности и свободы. Я не горел желанием отказаться от разумного только ради того, чтобы обременить себя догмой.

Чем больше я изучал ислам, тем больше убеждался – именно это я ищу.

Большинство знакомых мне образованных представителей Запада сегодня с подозрением относятся к любому сильному религиозному настроению. Для них религия – либо политическая манипуляция, либо средневековое понятие.

Их несложно понять. Тысячелетняя история Запада оставила достаточно причин, чтобы с сожалением вспоминать о пути невежества и кровопролития. Начиная с Детского Крестового похода и инквизиции, заканчивая извращенным убеждением нацизма и коммунизма, целые государства оказались изможденными верой. Опасение Ницше, что современное состояние народов станет заменой религии, оправдались с трагической точностью. Наш век, как мне казалось, превращается в эпоху неверия, где верующие ничем не отличаются от агностиков.

Невзирая на церковную принадлежность, светский гуманизм остается воздухом, которым дышит Запад, призмой, через которую видит. Как и любое мировоззрение, этот взгляд вездесущий и прозрачный. Основываясь на нем, мы уверенно отождествляем себя с демократией и стремлением к свободе во всех ее бесчисленных и привлекательных проявлениях. Поглощенному общей заботой человеку легко забыть, что на той же самой планете может существовать и совершенно другой образ жизни.

На момент моей поездки, например, 650 миллионов мусульман из сорока четырех стран придерживались официального ислама. К тому же, еще около 400 миллионов мусульманских меньшинств жили в Европе, Азии, Северной и Южной Америке. Из всех мировых религий, лишь ислам пополнял свои ряды.

Мои политизированные друзья пришли в смятение, прознав о моем новом интересе. Чуть ли не для всех из них ислам ассоциировался с махинациями полдюжины ближневосточных тиранов. В книгах, которые они читали, в прессе и на телевидении об исламе говорилось только в политическом контексте. О духовной стороне почти ни слова не было сказано. Мне нравилось цитировать им Мэй Уэст: «Когда вы принимаете религию за шутку, смеются над вами».

Исторически мусульмане воспринимают ислам как последнее завершённое выражение исконной веры, восходящей к Адаму. Как и иудаизм, ислам решительно монотеистическая религия, а ее пророки рассматриваются как звенья одной цепи, среди которых Иисус был предпоследним, а Мухаммад – последним пророком (мир им обоим).

По существу, ислам принес всему миру весть об обновлении и помог миллионам людей вновь ощутить сладость жизни. Книга ислама, Коран, поразила Гёте настолько, что он написал: «Как видите, это учение никогда не потерпит неудачу, мы со своими принципами не смогли его превзойти, и, говоря откровенно, вряд ли кто-то сможет».

Традиционный ислам заключается в исполнении пяти столпов. Первые четыре – провозглашение веры, молитва, милостыня и соблюдение поста – это действия, которые мусульмане повторяют из раза в раз. Последний же, пятый столп, мусульманин обязан исполнить раз в жизни и только если позволяют условия. Это паломничество в Мекку – хадж.

В западных религиях паломничество – угасающая традиция, старомодное, фольклорное понятие. В исламе же хадж является воплощением жизненного опыта миллиона паломников каждый год. Невзирая на современный уклад жизни мусульман, он остается актом повиновения, провозглашением веры и очевидным выражением духовной общины. Для большинства мусульман хадж – это высшая цель, путешествие всей жизни.

Как новообращенный я чувствовал себя обязанным отправиться в Мекку. Мне, любителю путешествий, и не представлялось более привлекательной цели.

Между священным для мусульман месяцем Рамадан (месяцем поста) и хаджем приблизительно сто дней. Рамадан и хадж – время особой бдительности для мусульман. Время, которым я собирался воспользоваться. Я читал об исламе; посещал мечеть у себя в Калифорнии, в общем, начал практиковать ислам. Теперь я надеялся углубить мои познания, погрузившись с головой в религию, которая преобразует каждый аспект бытия.

Я планировал начать осуществление замысла в Марокко, потому что страна была мне знакома, к тому же здесь придерживались традиционного ислама. Меньше всего мне хотелось тогда оказаться в болоте с крикливыми сектантами. Я хотел спокойно грести по чистой, широкой, бесшумной реке.